

КОТ, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ МЁРТВЫХ

Милана Панова

Кот, который видел мёртвых

«Автор»

2026

Панова М.

Кот, который видел мёртвых / М. Панова — «Автор», 2026

Меня зовут Бенедикт, и я вижу мёртвых. Все кошки их видят, просто большинство делает вид, что смотрит на муху. В нашем доме на Петроградской мёртвых хватает: девочка Ада, не пережившая блокадную зиму, дворник Михеич, который до сих пор метёт двор без метлы. Я к ним привык. Но однажды октябрьским утром на лестнице появилась новая тень — моя хозяйка, Вера Аркадьевна. Врачи сказали: сердце, восемьдесят шесть лет, чего вы хотите. А сама она не помнит своей последней ночи. Только чужой запах ландыша и то, что её кота впервые выставили за дверь. Люди не видят того, что вижу я. Значит, придётся заставить их увидеть. До ночи, когда мёртвые спускаются по лестнице, осталась неделя. За это время я должен найти убийцу, спасти квартиру от чужих рук и не попасться тому, кто однажды уже закрыл передо мной дверь. Уютный мистический детектив о старом петербургском доме, верности и любви, которая не заканчивается со смертью.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жилец с третьего этажа	5
Глава 2. Люди не видят	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Милана Панова

Кот, который видел мёртвых

Глава 1. Жилец с третьего этажа

Мёртвые пахнут не так, как думают люди.

Люди думают, что мёртвые пахнут сыростью, землёй и чем-то таким, о чём неприлично говорить за ужином. Ерунда. Мёртвые пахнут тем, что любили при жизни. Девочка Ада с чердачной лестницы пахнет мандариновой коркой, хотя мандаринов в её жизни было, кажется, два. Дворник Михеич пахнет махоркой и мокрым снегом. Дама в вуали, которую я про себя зову Хозяйкой, пахнет фиалковой пудрой и немного старыми деньгами.

Я живу в этом доме девятый год и знаю все его запахи. Поэтому в ночь на двадцать четвёртое октября, когда меня выставили на лестницу, я сразу понял: что-то не так.

Выставила меня Тамара Ильинична. Она приходила к Вере Аркадьевне трижды в неделю от собеса, мыла полы, приносила творог и таблетки, мерила давление и говорила громким бодрым голосом, каким разговаривают с детьми и глухими. Вера Аркадьевна не была ни ребёнком, ни глухой. Она тридцать лет преподавала литературу и могла по одной запятой определить, что ученик списал. Но Тамаре она этого не говорила. Она вообще мало кому говорила, что думает. Это говорил за неё я.

Тамара Ильинична пахла ландышем — сладко, назойливо, как пахнет мыло в дешёвой гостинице, — а под ландышем хлоркой. В тот вечер под хлоркой было ещё что-то: горькое, аптечное, незнакомое.

— Иди, котик, погуляй, — сказала она и вынесла меня за дверь на вытянутых руках, как выносят мусорное ведро.

Котиком она меня раньше не называла. Раньше она называла меня «эта скотина» и «опять шерсть на ковре». Котик — это было новое слово. А новые слова у людей, как и новые запахи, ничего хорошего обычно не означают.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок, потом второй. Я сел на коврик и стал ждать, что Вера Аркадьевна, как всегда, скажет из комнаты: «Тамара, где Бенья?» — и меня впустят обратно.

Вера Аркадьевна ничего не сказала.

* * *

Наш дом стоит на Петроградской стороне, в переулке, куда солнце заглядывает только в июне, и то ненадолго. Его построили в тысяча девятьсот двенадцатом году для чиновников средней руки, поэтому парадная у нас с претензией: витражное окно на площадке второго этажа, чугунные перила с завитками, ступени, стёртые посередине так, что в них собирается вода, когда кто-нибудь моет лестницу. Лестницу у нас моют редко.

На каждом этаже по две квартиры. В седьмой, на третьем, живём мы с Верой Аркадьевной. Напротив, в восьмой, давно никто не живёт: хозяева в Германии, квартиру сдают, но жильцы почему-то не задерживаются. Я знаю почему. В восьмой квартире живёт Хозяйка, и она не любит посторонних.

На четвёртом этаже живёт Гончаров, отставной инженер с бровями как две сапожные щётки. Он кричит на голубей, на дворников, на управляющую компанию и на телевизор. На меня не кричит. Однажды он вынес мне на лестницу кусок варёной курицы, а когда понял, что я видел его лицо в этот момент, сделал вид, что курица упала случайно.

Над четвёртым этажом — пятый, а над пятым — чердачная лестница, узкая и тёмная, с железной дверью, которую заперли ещё при Брежневе. На этой лестнице, на самой верхней ступеньке, сидит Ада.

Ей девять лет. Ей девять лет уже восемьдесят четыре года. На ней пальто, перешитое из взрослого, и вязаный капор, а в руках она держит мячик — тряпичный, с выцветшей красной полосой. Она умерла в феврале сорок второго, и это всё, что я о ней знаю наверняка. Остальное она рассказывает неохотно, а я не настаиваю. Мы, кошки, умеем не настаивать.

В ту ночь, когда стало понятно, что меня не впустят, Ада спустилась ко мне. Мёртвые ходят не так, как живые: не шагают, а будто становятся ближе. Только что её не было рядом — а вот уже сидит на ступеньке, поджав ноги, и смотрит на дверь седьмой квартиры.

— Тебя выгнали, — сказала она.

Я не ответил. Кошки не разговаривают ни с живыми, ни с мёртвыми, во всяком случае не так, как вы себе представляете. Но мёртвые понимают нас лучше. Им не нужны слова. Им хватает того, как мы держим хвост.

— Она ещё раз приходила, — сказала Ада. — Эта, с ландышем. В одиннадцать. Я слышала, как она поднималась. Она не включала свет.

В одиннадцать. Но Тамара ушла в восемь, я сам слышал, как она гремела ведром на площадке, а потом хлопнула дверь парадной. Зачем возвращаться в одиннадцать, не включая свет?

Я встал и поскрёб дверь. Потом ещё раз. Потом закричал — так, как кричат кошки, когда хотят, чтобы весь дом проснулся.

Дом не проснулся. Старые дома спят крепко.

* * *

Утром первым меня нашёл Гончаров. Он спускался за газетой — он единственный во всём Петербурге, кто ещё покупает газеты, — и остановился, увидев меня на коврике.

— Ты чего тут? — спросил он. — Выгнали? Вера! Вера Аркадьевна!

Он постучал. Потом позвонил. Потом снова постучал, уже кулаком, так что задрожало витражное окно этажом ниже.

Дверь открыли только без двадцати девять — ключом, снаружи. Это пришла Тамара Ильинична, с пакетом из «Пятёрочки» и в новом бежевом пальто.

— Ой, что ж вы так колотите, — сказала она Гончарову. — Спит, наверно, она поздно ложится...

Она вошла первой. Я проскользнул следом, у неё между ног, и она чуть не упала, и выругалась вполголоса, и сразу же закричала — громко, протяжно, как кричат в сериалах:

— Вера Аркадьевна! Господи! Вера Аркадьевна!

Я знал, что увижу, ещё до того, как увидел. Запах в квартире был неправильный. Пахло остывшей комнатой, старой бумагой, книгами — как всегда. Но не пахло живым.

Вера Аркадьевна лежала в постели, на боку, отвернувшись к стене, и одна её рука свешивалась вниз, к тумбочке. Будто она что-то искала.

На тумбочке у неё всегда стоял маленький стеклянный пузырёк с таблетками. Она называла его «мой стеклянный сторож» и по вечерам, перед тем как выключить лампу, трогала его пальцем, будто проверяла, на месте ли. Пузырёк стоял на тумбочке девять лет.

Сейчас его там не было.

* * *

Потом всё было так, как бывает у людей. Приехала скорая, двое в синем, усталые и равнодушные. Приехал участковый, молодой, с красными от недосыпа глазами. Гончаров стоял в дверях и молчал — впервые на моей памяти. Тамара Ильинична плакала на кухне и рассказывала всем, кто соглашался слушать, что Вера Аркадьевна в последнее время жаловалась на сердце, что она, Тамара, сколько раз говорила: надо в больницу, надо обследоваться, а та ни в какую.

— Возраст, — сказал врач, подписывая бумагу на подоконнике. — Восемьдесят шесть лет. Сердечная недостаточность, скорее всего. Чего вы хотите.

Я хотел, чтобы кто-нибудь заметил, что пузырька нет. Я сел на тумбочку, на то самое место, и сидел там, пока меня не согнали.

Я хотел, чтобы кто-нибудь понюхал чашку. Чашка стояла на сушилке, вымытая, перевёрнутая вверх дном, — синяя, с золотым ободком, из которой Вера Аркадьевна пила вечерний чай с мятой. Её вымыли. Но фарфор помнит запахи дольше, чем людям кажется, и от синей чашки тянуло тем же горьким, аптечным, что я учуял вчера под ландышем.

Я запрыгнул на сушилку и уронил чашку.

Она разбилась.

— Да уберите же кто-нибудь кота! — закричала Тамара Ильинична, и голос у неё был не плачущий. Совсем не плачущий.

Меня убрали. Гончаров взял меня на руки — неумело, как берут мешок с картошкой, — вынес на лестницу и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ну что ж ты так, брат. Ну что ж ты.

И ушёл к себе на четвёртый этаж.

* * *

Я сидел на ступеньках до вечера. Мимо проносили что-то длинное, накрытое, и я не смотрел. Мимо прошла Тамара Ильинична, уже без пакета, и я посмотрел на неё так, как кошки умеют смотреть, — не мигая. Она ускорила шаг.

Когда стемнело и на лестнице зажглась единственная лампочка, тусклая, на третьем этаже, я услышал, как кто-то пытается открыть дверь седьмой квартиры изнутри.

Не ключом. Не рукой. Просто — пытается.

А потом дверь перестала быть препятствием, и на площадку вышла Вера Аркадьевна. В своём фланелевом халате в мелкий цветочек, в тапочках, которые я сто раз драл, с очками на цепочке. Она пахла мятой и старыми книгами, как всегда.

Она посмотрела на дверь. Посмотрела на свои руки. Посмотрела на меня.

— Бенья, — сказала она растерянно. — Бенья, почему я не могу открыть дверь? Я же только что... Я же слышала, как кто-то стучит. Который час? Почему ты на лестнице?

Я подошёл и потёрся о её ноги. Мои бока прошли сквозь фланель, сквозь холодный воздух, сквозь ничто.

Вера Аркадьевна охнула и села на ступеньку.

Сверху, с чердачной лестницы, раздался тихий стук. Тряпичный мячик с красной полосой скатился на один пролёт, на другой и замер у её тапочек.

Вера Аркадьевна его не заметила. Она смотрела на меня.

— Я ничего не помню, — сказала она. — Бенья, я ничего не помню про вчерашний вечер.

Глава 2. Люди не видят

Правила для мёртвых объяснил Михеич.

Он пришёл под утро, когда Вера Аркадьевна всё ещё сидела на ступеньке и смотрела на свои руки. Михеич появляется всегда со стороны двора, будто только что закончил мести, и всегда отряхивает ватник от снега, даже летом. Снег этот выпал в январе шестьдесят первого, в тот день, когда Михеич упал с обледенелой крыши флигеля. С тех пор он и отряхивается.

— Новенькая, — сказал он, присаживаясь рядом и доставая из-за уха папиросу, которую никогда не закуривал. — С седьмой? Учительница?

— Вера Аркадьевна, — машинально ответила она. — Простите, а вы...

— Михеич. Дворник я тутошний. — Он помолчал. — Ты, Аркадьевна, не пугайся. Первые дни все такие. Ничего не помнят, всё из рук валится. Да и рук-то, собственно...

Он показал свои ладони, сквозь которые было видно перила.

— Я умерла, — сказала Вера Аркадьевна. Не спросила — сказала. Она всегда была умной женщиной.

— Есть такое дело.

— А почему я... здесь? Почему не... — Она неопределённо махнула рукой куда-то вверх, туда, где над чердаком было небо.

Михеич почесал затылок.

— Так ведь это как получится. Кто сразу уходит, кто задерживается. Кто задерживается — тот, значит, чего-то не доделал. Или с ним чего-то не доделали. — Он покосился на меня. — Вот кот твой знает. Он с самого начала на дверь шипит.

Я не шипел на дверь. Я шипел на то, что было за дверью. Но в главном Михеич был прав.

— Ты слушай сюда, — продолжал дворник. — Память вернётся. Не сразу, по кусочку. А в ночь на первое ноября, когда граница тонкая, вспомнишь всё. В эту ночь мы, покойники, по лестнице спускаемся, всем домом, так уж заведено. И в эту ночь кое-что можем. Свечку задуть. Дверью хлопнуть. Холодом пройтись. А после — решай. Или уходишь, куда положено. Или остаёшься, как я. Как она. — Он кивнул наверх, на чердачную лестницу. — Только остаться — оно, Аркадьевна, не мёд. Восемьдесят лет на одной ступеньке.

Вера Аркадьевна подняла голову. На верхней площадке, в темноте, сидела Ада и смотрела на неё. Смотрела так пристально, что я встал и подошёл ближе, чтобы понять, что не так.

Ада смотрела на Веру Аркадьевну так, как я смотрю на дверь, за которой кто-то, кого я жду.

Вера Аркадьевна девочку не узнала. Только поёжилась, как от сквозняка.

* * *

Лиза приехала на третий день.

Я видел её раньше, раза четыре за девять лет: на Новый год, на день рождения Веры Аркадьевны, однажды летом с большим тортом и виноватым лицом. Лиза приходилась Вере Аркадьевне внучатой племянницей, единственной родственницей, если не считать каких-то троюродных в Твери, которых никто никогда не видел. Ей было двадцать девять. Она переводила с немецкого инструкции к станкам, жила в Мурино в квартире размером с нашу кухню и звонила Вере Аркадьевне по воскресеньям, ровно в семь вечера.

Вера Аркадьевна ждала этих звонков. Она садилась у телефона без пяти семь и делала вид, что читает.

Лиза вошла в квартиру, поставила сумку на пол в прихожей и долго стояла, не снимая куртки. Она пахла метро, дождём и кофе из бумажного стаканчика. И ещё виной. Вина пахнет у людей одинаково, как пережжённый сахар.

— Привет, Бенья, — сказала она наконец и присела на корточки. — Ты-то как теперь?

Я подошёл и сел у её ног. Не потёрся, нет. Мы ещё не были так близко знакомы. Просто сел рядом, чтобы она знала: я здесь, и я за неё.

На площадке за открытой дверью стояла Вера Аркадьевна и плакала. Мёртвые плачут без слёз, но всё равно понятно.

— Лизонька, — говорила она. — Лизонька, ну что ж ты так похудела. Ты хоть ешь?

Лиза не слышала. Люди не слышат. Она только поёжилась и закрыла дверь, потому что с лестницы тянуло холодом.

* * *

Тамара Ильинична пришла через час, с ключами — своими ключами — и с папкой.

Она обняла Лизу так, как будто они были старыми подругами, хотя виделись впервые. Она рассказывала, как тяжело было в последнее время, как Вера Аркадьевна путала дни, забывала выключить газ, разговаривала с котом, «прямо как с человеком, представляете». Лиза кивала. Она не знала, что Вера Аркадьевна не путала дни ни разу в жизни. Она не знала, что с котом разговаривать нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.